

Михаил З Жванецкий

восемидесятые

собрание произведений

Михаил Жванецкий

**Собрание произведений в пяти
томах. Том 3. Восемидесятые**

«WebKniga»

Жванецкий М. М.

Собрание произведений в пяти томах. Том 3. Восьмидесятые /
М. М. Жванецкий — «WebKniga»,

«Вернулся в Одессу, и со мной вернулись Роман Карцев и Виктор Ильченко. Если кто-нибудь не понял эту фразу, я повторю: со мной вернулись в Одессу Роман Карцев и Виктор Ильченко, хотя их никто не увольнял. В Одессе мы создали Театр миниатюр. Там грянула холера. Город был оцеплен карантином, репертуарная комиссия из Киева не смогла прилететь, и мы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В те годы всюду к сатире относились подозрительно, а в Киеве в ней видели источник всех бед и неурожаев, и мы бежали путем конкурса в Московский театр миниатюр. А мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал, кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся». Михаил Жванецкий

Содержание

Почему мне так часто кажется	6
Как я пишу?..	7
Жлобство – это не хамство	8
Трудности кино	9
Писательское счастье	10
Он не знал	11
Наши неудачи	13
Старших и ведущих инженеров...	15
Обед	16
Куда ходит наш человек?	23
Что делать?	24
Тяжелый характер	25
Из размышлений под оркестр легкой музыки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Михаил Жванецкий

Собрание произведений в пяти томах

Том 3

Восьмидесятые

Рисунки Резо Габриадзе

...Вернулся в Одессу, и со мной вернулись Роман Карцев и Виктор Ильченко. Если кто-нибудь не понял эту фразу, я повторю: со мной вернулись в Одессу Роман Карцев и Виктор Ильченко, хотя их никто не увольнял. В Одессе мы создали Театр миниатюр. Там грянула холера. Город был оцеплен карантином, репертуарная комиссия из Киева не смогла прилететь, и мы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В те годы всюду к сатире относились подозрительно, а в Киеве в ней видели источник всех бед и неурожаев, и мы бежали путем конкурса в Московский театр миниатюр. А мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал, кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся...

Почему мне так часто кажется

Почему мне так часто кажется, что они ошиблись. Они выдали паспорт не тому человеку. Просто не может быть... Сорок лет, и зовут Миша... И внешность – это все не мое. Должен быть где-то такой человек, которому это все предназначалось. Мне сейчас по моим расчетам что-то около двадцати восьми. Брюнетик. Среднего роста. Худенький. Глаза на все лицо. Довольно мускулистенький. Быстрый. Безо всякого морского прошлого. Я что-то закончил юридическое или географическое. Я более злой. Более четок и пунктуален. Обязателен более... Подвижен... Зовут не Миша, а Юра меня.

Я не пишу эту всякую чушь, я что-то читаю... И хожу окруженный студентами, хотя для двадцати восьми это и рановато, но я, вероятно, очень способный.

И все-таки главное – это другая внешность, и возраст, и имя. А если это все мое, то я занимаюсь не своим делом и мне еще предстоит поискать, хотя возраст для поисков неподходящий. Если я действительно не своих лет, почему мне так трудно с молодыми? Почему я облегченно вздыхаю, увидев обрюзгшую лысую физиономию с яркими признаками перепоя или пародонтозно-склеротической тоски, с шумами в сердце и свистом в легких. Куда я к этой развалине такой молодой и кудрявый? А эта развалина ко мне? И нас не оторвать. То ли он сейчас приступает к лечению того, от чего я вылечился. То ли я заболеваю тем, что у него уже было.

Если я молодой и сильный и меня зовут не Миша, почему от меня шарахается молодежь и весь дамский танец я непринужденно разговариваю, чтобы не замечать, как меня не приглашают?

Почему же я, такой молодой, не присоединюсь к этим троим с гитарой, а пробегаю, озабоченно хмурясь? И с маленьким котенком, забежавшим согреться, мне скучно через сорок пять минут. И если я такой молодой и красивый, почему задыхаюсь и вместо лыж опять сижу дома, и копаюсь, и вспоминаю?... И работу, и знакомых, и людей, людей, людей...

Откуда же у меня так много людей, если мне так мало?

И почему мама так постарела, Господи?..

И почему отец уже умер, и отчим?... И даже... И даже... мои одноклассники.

Нет. Очевидно, они не ошиблись, выдавая мне паспорт.

Да. Я примерно тот, что там указан...

Может быть, кроме внешности, имени и немножко все-таки возраста.

Да, бог с вами, я довоенный... Но у меня есть своя радость.

Встретить другого такого престарелого сорванца, который думает, что они ошиблись. И объяснить с полным знанием дела, что такие ошибки бывают.

Я просто знаю одного такого, ошибочного.

Как я пишу?..

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что, перестань писать, – много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит: «И где это вы темы берете?»

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта. До Москвы тоже час. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать... Ну, там, лысый, длинноносый. Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторяться. К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь. Одет в серое, так что хожу вдоль стен. Куда-то тороплюсь, хотя на сером сверху не виден. Начитан слабо. На вечеринках молчу, дабы было что печатать. Дома ничего не делаю – отсюда прозвище Квартирант. Давно не танцевал, особенно – темпераментно, яро, с мычанием и подкатами. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Жлобство – это не хамство

Жлобство – это не хамство, это то, что образуется от соединения хамства и невежества с трусостью и нахальством.

Жлобство, простите, так присущее многим из некоторых, которых мы часто встречаем порой и страдаем от этого.

От голода голодаем, от болезни боеем, от холода мерзнем, от жлобства страдаем.

Если, конечно, вам не повезло и вы тихий, вежливый, исчезающий от прозвищ и частых упоминаний матери...

Поздравим себя – все меньше удовольствия хаму, все уже поле его деятельности.

Наша берет.

В чем был его кайф?

Изрыгнуть внезапно, чтоб у всех отвисла челюсть и попадали руки.

Чтоб посинели лица в безумных поисках ответа.

Было такое.

В пору пребывания в толпе мягких, воспитанных дам-с, юристов-с.

Но, слава богу, эти времена прошли.

Теперь хам получает повсеместный ежедневный отпор.

Бледнеть некому-с.

Хрупкая скрипачка в автобусе оборачивается и врезает между ртом и глазом матросу-сантехнику так, что тот на глазах корежится, жухнет, пускает жуткий синий дым и сваливается в сугроб.

Две нежные школьницы самого субтильного возраста и вида так шарахнули матом в ответ на короткое слово дремучего алкоголика, сопровождающее предложение отойти, что, не дослушав полностью ответ девочек и получив портфелем с коньками по голове, мужчина сошел через закрытую дверь.

Поздравим себя – публика перестала распадаться на выступающих и слушателей. Едины все участники дорожного движения.

Наличие в руках фагота или Ромена Роллана не дает хаму возможность надеяться, что перед ним интеллигентный человек.

Усиленные занятия карате и знание мата без словаря приближает час всеобщего трамвайного равенства.

Нерадивость породила дефицит, дефицит – воровство, воровство – хамство, хамство – нерадивость, которая породила дефицит. Отсюда и выход из замкнутого круга, который должен быть, но его надо искать.

А пока в преддверии исчезновения хама как отдельной личности его успешно заменяет отдельный коллектив.

Трудности кино

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получаются ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит – еще ничего, а как рот откроет – так пока не идет. Или там собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость – так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень». А когда откроется, так еще пока не доносит – вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.

Граф английский – тоже неловко, боком, все боится войти к себе в замок. Ну если пиджак от шеи на четверть отстает и шейка, как пестик в колоколе, как же ты аристократизм покажешь, если штаны и пиджак надо непрерывно поддерживать?! Или руку королеве целовать, или панталоны держать. И руку пока еще надо у нее искать: она тоже пожать норовит.

Еда не дается пока. Вот не само глотание, а еда как трапеза. Старух на консилиум приглашали, но и они подрастеряли искусство еды: тоже норовят целиком заглотнуть и еще – в сумку. А это реквизит.

И старики подзабыли ходьбу такую, чтоб пиджак не двигался отдельно от хозяина. Или – весь гитлеровский штаб в мундирах не по размеру, а диктор говорит, что вся Европа на них работает. Но это все внешне, конечно, и раздражает какого-то одного, кто остался в живых и еще помнит.

Внутренне плохо идут споры, даже литературные. Все как-то придерживаются одного мнения и, ради бога, не хотят другого, ради бога.

Пока еще смешно выглядит преданность одного мужчины одной женщине, пока смешно выглядит. И вообще, обращение с женщиной, все эти поклоны, вставания, уважение, преклонение... Их делают, конечно, но за очень дополнительные деньги. Консультант один, лет восьмидесяти двух, тоже уже заматался: Душанбе, Киев, Фрунзе, Ташкент... «Извольте, позвольте», «Только после вас», «Я был бы последним подонком, мадам, если бы оставил вас в соответствующем положении».

Не идет фраза: «Позвольте, я возьму на себя» или: «Вам ведь трудно, разрешите я...» А уж фраза: «Я вами руководил, я отвечаю за все» – прямо колом в горле стоит. А такая: «Мне не дорого мое место, дорого наше дело» – получается только по частям.

Сложно пока стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица еще не убеждает.

Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь.

Группа американских ковбоев на лошадях пока еще криво скачет, и даже у лошадей наши морды.

Ну а там – баночное пиво, омары, крики «Я разорен!» или «Мне в Париж по делу!» хоть и русским языком, но ни исполнитель, ни аудитория этого языка пока не понимают.

Но с уходом стариков со сцены и из зала равновесие между экраном и зрителем постепенно восстанавливается.

Писательское счастье

Что такое писательский ум? Не договаривать половину фразы.

Что такое писательское счастье? Немножко написать и жить, жить, жить.

Что такое писательский ребенок? Тот, кто о любви к себе узнает из произведений отца.

Что такое писательская жена? Женщина, которая сидит дома и с отвращением видит в муже человека.

Что такое писательская квартира? Место, где у него нет угла.

Что такое писатель в семье? Квартиранин под девизом: «Ты все равно целый день сидишь, постирал бы чего-нибудь».

Что такое писательская жизнь? Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть? Выход в свет.

Он не знал

Он ничего не знал.
Он не знал, что такое плохо. Не знал, что такое хорошо. Он что-то помнил.
А отец и мать уже умерли... Ему не повторяли.
Ему не повторяли, что нельзя чужое называть своим.
Не знал, кто у него был в роду. Совершенно не знал истории своей и своих.
Гордился чем-то. Не знал чем.
Ибо то, чем гордился, нельзя было показать.
Ничего не мог спеть. Не знал слов.
Хлопал, когда все хлопали.
Чувствовал, что нравится.
Не мог объяснить.
Не мог объяснить, так как никто не спрашивал.
Не то что поступить, а рассказать, что такое честно, не мог и не знал, что есть нечестно.
Что есть нечестно?
А что есть честно?
Нельзя лишь то, за что сажают.
Но сажают не каждый день и не каждого.
Бывает, долго не сажают, – значит, можно.
Ну что же бабушка?
Ну что же бабушка?
Кто же ей поверит?
Плохо, мол.
Что ж плохо-то?
Сама-то еле дышит, еле ходит.
В церковку послушать ложь.
Что в церкви ложь и Бога нет, знал, а что такое правда, не знал.
То вроде все правда. А то вроде вранье.
А может, правда все, чего не видел сам.
То, что видел, не сходилось с тем, что слышал.
Ну, значит, правда всюду, а здесь вот как-то местно...
Может...
Не знал.
Неясная ворочалась злоба на то, что местно.
Лично.
Не сходилось.
Ну, сорвал злобу на ком-то. Не знал стихов, книжек.
Так – кое-что из песен, из передач.
Вся эрудиция – из «Мира животных» и «Клуба путешествий».
Не знал родного языка, слово «нежный» не произнес ни разу в жизни.
Что – воровство?
Ну да, ну догадывался, что влезть в чужой дом, со звоном сломав...
Но тоже конкретно не предупреждали. Просто догадывался, что посадят, побьют. Сам бы побил. Но со склада? С работы? Как не понести?
Дружба?
Да.
Дружба

Заменяет все.
Ты меня уважаешь? Горячие руки.
Колючие, вонючие поцелуи.
Пять – десять – сто – тысячу раз предавали, подвергшись незначительному давлению,
подчиняясь и раскалываясь мгновенно.
Да и что там было предавать?
Для чего так дружить?
Постепенно потерял смысл дружбы.
Остались поцелуи, копейки остались.
Остались копейки.
От дружбы.
Не знал новостей.
Газет.
Театров не знал.
Никто не приглашал.
Да и не слышал, чтоб кто-то рассказывал.
Не знал преданности.
Грязную постель и не называл любовью.
Слово любовь – знал.
Никогда им не пользовался,
И не слышал от других.
Только по телевизору.
Понимал, что окружающие состоят из мужиков и баб.
Живут вместе, чтоб хозяйство, дети.
Ругань всякая с ними.
Покупки.
Расходы.
Не знал и попроще.
Вкуса еды.
Не знал питья.
Лимонада.
Одежды.
Не знал интересной работы.
Самостоятельности.
Говорил: мне положено.
Как все, так и мы.
Он даже не знал, на что способен. Что думает по какому-то поводу.
Ну не знал.
Никто же не спрашивал.
Когда в молодости разок ляпнул – погорел.
Сладкую ненависть, месть – не знал.
Враги там.
Когда они приезжали, вроде ничего люди.
Но ведь враги.
Замышляют.
Хотят отнять.
Хотят, чтоб стоял в очередях. Чтоб не знал ничего, кроме водки, бабы, болей в почках,
очередей.
А он и не знал ничего, кроме этого.

Наши неудачи

Вы не имеете права мучить родных неудачами, неидущей работой, разваленной жизнью. Только радовать. Вы должны радовать их успехами, карьерой, блеском и уважением начальства.

И высоким заработком.

Неудачи делают вас невыносимым. Невыносимым делают вас неудачи. Прежде всех не понимают жена, дети, мать.

Вам смотрят в затылок.

Вам смотрят в затылок.

От этого ваши дела усугубляются. Ваши дела усугубляются, вы уже огорчаете всех.

Вы расстраиваете неповинных. Вы расстраиваете неповинных, а ваша голова...

Ваша голова, как любой другой орган, в такой обстановке отказывается работать.

От поисков идей, открытий у вас образуется пришибленный вид.

У вас образуется пришибленный вид, а попытки помочь по хозяйству лишь подчеркивают положение. У вас вырывают ведро.

У вас вырывают ведро и – «Твое место не здесь!»

А где ваше место? А где ваше место? И вы идете на улицу. Вы пытаетесь мужественно смотреть на прохожих. Но у вас срывается взгляд.

У вас срывается взгляд и перекошены брюки. Перекошены брюки, и старая знакомая давно уже вышла замуж – и ни в какое кино, и зачем ей это снова, зачем ей это снова? А старый товарищ, а школьный товарищ бежит. А школьный товарищ, а старый товарищ бежит каждый день, все увеличивая дистанцию от инфаркта, от родных, от новостей и прейскурантов. Он бежит. И говорить с ним... И говорить с ним можно только на бегу под дождем, когда он в трусах, а вы в плаще, и все увидят, как счастье и несчастье бегут рядом. Снова бегут рядом.

А тот... А тот один, кто буйным ветром занесен в Алма-Ату, – тот сидит там и стесняется...

Тот сидит там и стесняется писать. Сюда оттуда. Стесняется. И когда вы не вдруг, а точно и буквально напились, обнаружив в себе, обнаружив слабость характера и неустойчивость позиции, развязка завитала и затряслась маманя. Маманя ночью под подушкой затряслась, рыдает мама, зажимает рот... Страшнее нет. Жена и дети – все скрывают слезы. На вас без слез, на вас без слез вообще нельзя и незачем смотреть.

От вырезок о вреде водки вы напиваетесь страшнее, вернее, снова... и просите вас подержать жену, чтоб выпить с вами... Жена. Она бледнеет. А вам надо. Вам надо с кем-то. И вот уже не дома, на скамейке в парке какой-то девушке в немых босоножках снизу ног вы повторяете рассказ с припевом: «Да, она меня не понимает» – и, сосчитав в кармане мелочь: «Я тебя озолочу!...»

И на вокзале в сопливой, гулкой, рваной тишине, меж телогреек и кирзой буфета, роняя капли, пишете в Алма-Ату.

И только когда быстро. И когда жутко быстро... И когда страшно быстро... Когда мгновенно вдруг пришел ответ...

Пришел ответ, где то же, только ярче. Глубже и занятней. Где их с беременной женой, ее ребенком, первым мужем и его женой хозяйка выгнала. Оне...

Оне живут у дворника и ездят на трамвае в кухню. А туалет в горах, и банятся в четверг. Восьмой четверг второго месяца нисана, и, вашу боль поняв, проникшись вашим горем, он просит вас прислать пятерку на расход и челюсть новую для сына, из пластмассы.

Вы чувствуете – вам немного лучше... Вам немного лучше... А вот и лучше быстро, быстро лучше... Ах, ибо.

Ах, ибо ваши неудачи кому-то кажутся мечтой. Домой идите быстро.

Старших и ведущих инженеров...

Старших и ведущих инженеров послали в колхоз перебирать кукурузу. Из кучи початков они выбирали несгнившие, очищали и перебрасывали через себя в направлении города. Перебирать вторую кучу прислали ученых. Они перебирали и перебрасывали через себя. Как только пошла гнить куча номер три, прислали врачей. Группа врачей перебирала и перебрасывала к городу через себя. Последнюю небольшую кучу у самого города перебирали учителя. Так была решена проблема транспортировки, хранения, а также осторожно и тактично намекнули: кончится кукуруза – кончится и интеллигенция.

Обед

Двое: Большой начальник и Младший научный сотрудник.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, вы пейте... И вот что, Василий Алексеевич, я хотел попросить. Вы занимаете такое положение...

Большой начальник. Ты понимаешь. Я такой человек, и все. Вот такой я человек. (*Выпил.*) А ты вот такой человек.

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич, я такой... Вы закусывайте. Вот, съешьте.

Большой начальник. Закусываю, съедаю. Потому что такой я человек. Да. Такой я человек. А ты мне нравишься. Да. Ты мне нравишься. А что, я не прав? Скажи, я не прав?

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. А почему я должен не приходить, почему я должен не есть, не пить, если ты меня приглашаешь? Я должен не есть?

Младший научный сотрудник. Не должны.

Большой начальник. Ты меня не знаешь. Нет, ты меня не знаешь. Я прав.

Младший научный сотрудник. Нет.

Большой начальник. Я не прав?!!

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. Ты меня не знаешь.

Младший научный сотрудник. Вас все знают.

Большой начальник. Никто меня не знает. Вот такой я человек. Запомни. Я знаю, почему ты меня пригласил. Но это неважно.

Младший научный сотрудник. Нет, важно. Я вас пригласил потому, что мне очень приятно. А если мне очень приятно, я делаю невзирая... (*Начинает.*) Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я не верю, что тебе это приятно. Но я знаю, что делаю. Я могу и выгнать.

Младший научный сотрудник. Конечно можете. Но мне очень приятно.

Большой начальник. А я не верю, что тебе это приятно.

Младший научный сотрудник. Ну вот... очень приятно.

Большой начальник. Я не верю, но я это делаю. Я такой человек. Вот такой я человек.

Младший научный сотрудник. Неправда, мне очень приятно, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Наливай и себе. Не стесняйся.

Младший научный сотрудник. Спасибо. Я налью. (*Начинает.*) Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я бы иначе и не пришел, черта с два я бы пришел. Думаешь, ты один меня приглашаешь? Я от не каждого принимаю. Я человек железный. Если мне кто неприятен, могу ни капли не выпить. А с тобой – нет. Тебя люблю и пью из твоих рук. Ставь стол – я твой. Вот какой я человек. Да. Я такой человек. Вот такой я человек. Да, я именно такой человек.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, помните, я к вам подходил, я вас тогда просил, а вы сказали...

Большой начальник. Каждый, каждый хочет, чтоб я пил в его присутствии. Ты понял: все просят, и каждый просит. Звонят и просят. В коридорах. В кабинете и на улице. Пять минут о погоде – и попросил. Понял? Как жена, как дети – и попросил. Пятьсот звонков с просьбами, триста встреч с просьбами, три бани с унижениями. Вот ты умный, ты интеллигент, что ты будешь делать?

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Да. Все время один. Потому что все время один и потому один все время. Да. Такой я человек. Такая дружба. Один просит все время, а другой от него прячется.

Вот такая дружба. Да, такая дружба. Это охота. Да, это охота. Это охота. Да, а не дружба. Не дружба. И поэтому с друзьями тяжело. Их нет. Все до ордера. Ордер – и открытки на Новый год нет. Нет открытки. Звонка нет. Пока лекарство не понадобится. Да, пока не понадобится лекарство. Да, именно оно. А ты со мной будешь дружить долго. Ты меня будешь долго любить.

Младший научный сотрудник. Ха-ха... (*Встревожился.*) Я-то конечно. Но у меня же простой вопрос... Василий Алексеевич, у меня прописана...

Большой начальник. Просят, просят. Почему только у меня?.. Потому что такой я человек. Да. Ты знаешь, кого бы я полюбил? Того бы, кто бы у меня бы... ничего бы не попросил бы. Я бы для него бы все сделал бы. Ты видел этих просящих? У них в глазах это все и в руках. Отвратительный народ.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, но я, по-моему...

Большой начальник. Ты тут ни при чем. Да, ты тут ни при чем. Я почему тебя люблю?..

Младший научный сотрудник (с ужасом). Почему?

Большой начальник. Потому что ты у меня ничего не просишь.

Младший научный сотрудник. Дело не в любви. Мы же мужчины. Можно и не любить особенно.

Большой начальник. Нет... Если не люблю, вообще ничего не сделаю и говорить не могу...

Младший научный сотрудник. Да. Конечно, любить обязательно. Конечно. Это смешно. Это естественно. Поэтому я рад, если вы меня полюбили.

Большой начальник. Да. Но ты это заслужил. За то, что ты ни о чем не просишь никогда. Поэтому я тебя и пригласил за этот очень скромный стол. Очень. Да. Очень. Неказистый.

Младший научный сотрудник. Я пытался... Извините... Три четверти меню вычеркнуто... На остальных стоит «нет». Это домашняя селедка... А вот тут жена... соленья... Я в портфеле принес...

Большой начальник. Ты прав. Очень противный стол. Обидный стол. Незаслуженный. Одни оскорбления на столе. Обиды... Не позволял я себе такого. Давно... Не заслужил. Вот эта канистра с денатуратом...

Младший научный сотрудник. Домашнее, Василий Алексеевич.

Большой начальник. После стирки осталось... Я хотел не один прийти... С человеком. Который решает. Многие решает. Сам. Другим не дает, сука! Люблю я его. Но его обидеть рука не подымается... Хорошо, что не взял. Я уж ладно. Я снесу. Мне деваться некуда. Я пришел. Буду жрать это тряпье. Обглаживать эти голыши. Булыжник лизать. А он-то чего виноват? Степан Иванович хотел со мной, сука. Я его еле дверью отсек. Подонок. Его за что?! Чтoб он со мной месяц не разговаривал?.. Ты не желудочник?

Младший научный сотрудник. Да нет. Мне все можно.

Большой начальник. И мне все можно. Поэтому ты сгорел. Что ж ты натворил? Что это за стол? Знал бы, я бы тебя не пригласил. Такой я человек. Да. Ты, я вижу, скоро пойдешь – уйдешь, видимо, отсюда к чертям. Или еще посидишь? Ты, если не можешь, не сиди... А встречу мы перенесем. Да, перенесем. Точно. Вот это да. Мы будем считать, что ее не было. И ты будешь считать. Засчитывать ее не будем. Не засчитаем. Потому что, если мы ее засчитаем, это тебе поражение. Ни дружить со мной, ни любить меня, даже узнавать меня я тебе не позволю. Такое не прощается. А я твердый человек. Да, я такой, очень твердый и именно, да. Точно. Мы эту встречу переносим. Туда, на вторник...

Младший научный сотрудник. На вторник? За что? У меня все решиться должно. А если прямо завтра?

Большой начальник. Нет, ты не готов. Ко вторнику успеешь. Я возьму Степана Иваныча, Гришу, бабья. Попробуем все сначала. И я тебя буду любить. А теперь иди. Ко мне придут.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич...

Большой начальник. Иди, пока я тебя не разлюбил. Закажи еще на двоих и уходи. Только чтобы я тебя простил. Тебе сейчас это главное. А я буду их кормить, чтобы они тебе тоже решали... Попробуй очень быстро уйти...

Младший научный сотрудник. Значит, я могу?..

Большой начальник. Ну, дай тебе Бог...

В спорных местах я молчу, в бесспорных говорю, в остальных пишу и тихо вздыхаю. Разные методы спора: индийский, китайский, японский и наш. В спорных местах я молчу, в бесспорных говорю, в остальных вздыхаю. Игра ума в одни ворота. Опять я проиграл. Игра моего ума на базе рассольника. Вот научусь наслаждаться лесом, травой, водой и облаками и перестану. И даже вздыхать тихо не буду. Научусь, научусь. Я уже многому научился.

Литература – это искусство избегать слов.

Я впервые почувствовал, что есть правда в словах застоя: «Разрешите высокое звание, присвоенное мне, считать заслугой всего коллектива нашего прославленного ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, ордена “Знак Почета” многострадального народа многонациональной России».

Неумение сказать «нет».
Это ходить, куда не хочется.
Это говорить, с кем не надо.
Это сидеть на иголках.
Это жить с теми, кто пришел.
Это – к той большой закрепощенности своя внутренняя, и они
сливаются.

Отсюда хамство в неожиданный адрес.

И вдруг я обиделся на женщину, которую забыл.

Сидишь дома – кажется, все дома сидят.
Выйдешь на улицу – кажется, что все вышли.
Попадешь на вокзал – думаешь, ну, все поехали.
В больнице впечатление, что все туда залегли; на кладбище – все
загибаются.
Ну много нас. На все хватает. И всюду чересчур.

Глубокой старухой ко мне заглянуло детство. В пожилой женщине я встретил свою юность, и загорелым недоступным чудом мелькнул сегодняшний денек.

Соколиная охота. Беру брата-красавца. Иду по Невскому вижу красивую девушку – выпускаю брата! Раз! Она – моя.

Дураки очень любят наказывать умных.
Во-первых, себя поднимают.
Во-вторых, умней получают.
В-третьих, все видят, кто главный.
Единственное – потом не знают, что делать.

Ребята! Наши беды непереводимы.

Было мясо – и нет его. Хотя вот оно. И так всю жизнь. Где оно? Да вот оно. Где, где? Да вот, вот!

- Куда раки делись?
- Экология.
- Куда евреи делись?
- Экология.

Настоящая ненависть сама себе придумывает аргументы и находит факты. Можно стать изобретателем от ненависти. Опровержения для ненавидящего ничего не значат – они нужны третьему, который стоит неподалеку.

Я вновь не прав, я снова жду чего-то.

Куда ходит наш человек?

Куда чаще всего ходит наш человек?

К какой-то матери, к чертям собачьим, к свиньям, вон отсюда, регулярно заходит завтра, идет куда угодно, только не сюда, чтоб его больше здесь не было. Он не видит, что обед. Не понимает, что входить нельзя, сует свои деньги, не видит, что закрыто, не понимает, что их много, не соображает и лезет, не втемяшит, что этот стол не убран, что касса справок не дает, что здесь стоять нельзя, а сидеть не на чем.

Отсюда: куда он больше всего ходит?

К едреной матери, к чертям собачьим, вон отсюда, катится к чертовой бабушке, до четверга, чтоб его духу здесь не было, если появится еще раз, то вызовут милицию. Пусть ищет, где хочет, садится, если найдет. Должен соображать, если мозги есть. Все понимает, но прикидывается и старается мешать всем, куда приходит.

Что он не видит?

Что здесь табличка, на которой ясно указано, что здесь цена, где ясно указано, что вот указатель, где ясно сказано, что в постановлении ясно сказано, и по радио было ясно сказано, что предыдущим из очереди было ясно сказано...

Что он не понимает?

Что сюда нечего свою справку совать, что мест нет, а предыдущий имел бронь, что в продаже нет, а предыдущий взял по другой линии, что это опытный образец, значит, не должен работать, что этого лекарства нет, ибо лекарство помогает всем, значит, оно дефицитно, значит, были злоупотребления, значит, злоупотребления пресечены, значит, лекарства нет. Что сейчас трубы хуже и их заменяют чаще, поэтому их нет. И мало ли... и вообще, и не обязан никто, и все...

Что он, не в состоянии понять?

Что сейчас трубы хуже, чем были. Их больше, но меняют чаще, поэтому их нет. И воды нет, ибо труб нет и ей не в чем. А будет, когда поменяют. Не меняют, потому что их нет, потому что они хуже, хотя их больше, но они хуже, и вообще, и все. И почему садятся в тюрьму начальники ОБХСС. Почему наведение порядка кончается беспорядком, переходящим в наведение порядка, переходящего в беспорядок, переходящий в наведение порядка.

Что он не хочет понять?

Что он не один, что здесь люди занятые, что такие ошибки в порядке вещей, что это возрастное, поэтому чего же лечить, когда это возрастное, когда тут молодежь, и помолодел инфаркт, и посвежел маразм, и это в порядке вещей, и мало ли вообще...

Чего он не чувствует?

Что сейчас другое время, что не время смешить, что не время петь, что это там наверху решили, а внизу свои условия, и не надо газету совать, а в колхоз ехать надо и на овощебазу надо пока. Что значит – пока? Это значит – пока. Сам почувствует. А он не чувствует, оттого что он не видит, не слышит и не понимает элементарных вещей, поэтому куда он чаще всего идет? Вон отсюда, к едреной матери, к чертям собачьим, катится к чертовой бабушке, идет туда, сюда, в третье, десятое, его духу не должно быть в разных местах от девяти до восемнадцати с перерывом на обед с часу до двух.

Что делать?

Я сделал мерзкое открытие.

Критиковать нашу жизнь может человек слабого ума.

Настолько все ясно. Простейшие организмы изрекают, чего не должно быть. Этого, этого, этого, этого.

Самый элементарный подведя итог: этой жизни быть не должно.

Теперь высокие умы сели соображать, что нужно сделать.

Думали-думали, думали-думали и сказали: этого не должно быть; этого не должно быть;

этого не должно быть.

А должно быть:

это;

это;

это.

Как перевести из «этого не должно быть» в «это должно быть»?

Думали, думали: попробуем так...

Попробовали.

Нет, этого не должно быть.

Попробуем так...

Попробовали...

Нет, и этого не должно быть.

Итак, что не должно быть, знает каждый.

И что должно быть, знают все.

Перехода не знает никто, поэтому сдаётся мне:

а) перестать думать;

б) перестать действовать;

в) оставить все в полном покое.

Организм, возможно, соберет себя сам. И медленно начнет совершенствоваться.

Тяжелый характер

Талантливый человек слишком неудобен каждому и хорош для всех. Его нельзя принимать в больших дозах. Тяжелый характер вызывается причинами, неудобными для многообразного объяснения.

Такой человек в словах видит больше смысла, чем туда вкладывает собеседник, и обижается. Ему страшно мешает жить собственная фантазия. Его нельзя оставлять обиженным. В своем воображении он дойдет до убийства.

Ему нельзя две-три работы подряд назвать плохими: он запаникует, попытается расстаться со своей профессией, будет делать неумелые пробы другого и внутри сойдет с ума. Снаружи начнет пить с кем попало и жаловаться встречным.

Цветут деревья во влаге и солнце, расцветает талант в атмосфере любви и восторга. Он не виноват: роль выбрала его.

Он настолько уверен, что делает плохо, что похвала всегда приятно поражает. Зазнайство при таланте невозможно, оно наступает после.

За зазнайство часто принимают тяжелый характер. Тяжесть для собеседника представляют ответы невпопад, переспрашивания от погруженности во что-то. Это раздражает одного, тут же обижает второго, затем вступает воображение – и скандал.

Тяжел попытками назвать все вещи своими именами. Докопаться до черт характеров собеседника и назвать их. Это невыносимо. Женщины красивые, которые вообще склонны преувеличивать свои успехи, с радостью убеждаются, что перед ними плохой человек. Именно они авторы формулировок: «Хороший поэт, но плохой человек».

В то же время человек талантливый хорошо чувствует, как принимается его появление, присутствие, видит полет слов и попадание, что порождает в нем деликатность. Обидные слова произносит только в накаленной атмосфере. Воображение позволяет ему предвидеть реакцию. Он неудобен тем, что независим и смел. Не он сам – его талант. Он сам зависим, привыкает к месту. Боится потерять жизнь, но произносить другое не может, так как видит себя со стороны.

Наивен, потому что не насторожен. Бывает скуп, так как боится за свою жизнь, не умея приспособиться.

Иногда жаден в еде, ибо редко получает удовольствие. Привыкает к месту, но не моногамен. Ищет опьянения и не знает, чего именно избегать. Он позволяет этому случиться, но всегда возвращается.

Искренне удивляется, услышав крик. Совершенно не может вести семью. Хотя может о чем-то договориться. Но железную последовательность и упорство в делах должен проявлять другой человек. Опять-таки потому, что он, не сознавая, проявляет упорство там, где он талантлив. Его хорошо прикрепить к кому-то или к двоим и рассматривать как одно целое.

Нас тянет к таланту. Слушать его. Сидеть рядом. Надо понимать его узкое предназначение и помогать производить то, что у него лучше получается. Мы должны ему нести сырье, и не бескорыстно. Он весь воз потянет. Он создаст.

Гениальные произведения – такие же создания Бога, как птицы и животные, непоявление их оставляет место это пустым.

Из размышлений под оркестр легкой музыки

Трусость и человеческое достоинство.

Ему сказали – он встал на колени. Ему только намекнули. Другой встал без намека, чтоб не били. А его все равно били, как обычно.

А он потом не мог понять, почему ему не встать на колени. Он же давно этим занимается. Он даже стал ниже.

Где же? Где же человеческое достоинство? Вдруг спросили. И вдруг его. Чтобы он вдруг ответил. Нам с вами, стоящим рядом. Что человеческое достоинство появляется тогда, когда в нем есть нужда. Оно не может витать в воздухе, как запах. Ему нужна почва.

Неужели можно с достоинством просить впустить вас в гостиницу, где вы живете? С огромным достоинством просить место за столиком, билет в театр, на поезд, на самолет? В аптеке вы рассказываете о себе, о больной жене, о ребенке, просите то, что положено.

Человеческое достоинство, как оказалось, несовместимо со словами «прошу вашего», «убедительно прошу», «прошу по моей просьбе». Человеческое достоинство, или же совесть, не радуется оттого, что в магазинах нет, а на столах есть. Это за счет совести и достоинства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.